PECULIARITIES OF COLOUR SYMBOLISM IN ENGLISH POETRY

Erenskaya Anna Gennadievna,
Senior lecturer, the department of theory and practice of the English language
Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia

Abstract. The article deals with the linguistic symbolization of colour in the English poetry of the late XIX – early XX centuries. The author of the article reveals main colour denotations in the poetic texts, both basic and additional, as well as explores intensifiers of light characteristics, not naming the colour directly. Such a detailed study of poetic works in the aspect of colour symbolism contributes to deeper understanding their features, as well as the poet's aesthetic values and outlook.

Key words: colour, colour semantics, symbolism of colour, basic colour terms, poetry.

СЛОВЕСНОЕ ОТРАЖЕНИЕ ВНЕШНЕГО ОБЛИКА РЕБЁНКА В БЕЛОРУССКИХ ПАРЕМИЯХ (ЛИНГВОСЕНСОРНЫЙ АСПЕКТ)

Марцинкевич Вера Ивановна,
аспирант кафедры белорусской и русской филологии
филологического факультета Мозырского государственного педагогического
университета им. И. П. Шамякина,
г. Мозырь, Республика Беларусь,
научный руководитель: Кураш Сергей Борисович,
доктор филологических наук, доцент,
профессор кафедры белорусской и русской филологии
Мозырского государственного педагогического университета им. И. П. Шамякина,
г. Мозырь, Республика Беларусь

Аннотация. В статье предпринята попытка осмысления детского возраста через восприятие визуальной лексики. Определяются аспекты зрительного восприятия, анализируется их связь с другими сенсорными модальностями. Выявляется гендерная маркированность паремий на лингвосенсорном уровне.

Ключевые слова: визуальный модус, единицы визуальной лексики,—аспекты зрительного восприятия, сенсорная модальность, вербальная репрезентация, возрастная стратификация.

Визуальный модус восприятия единодушно признается важнейшим в перцептивном опыте человека. Проведенные учеными исследования убедительно показали, что зрение представляет собой наиболее важную сенсорную модальность, и «окуляроцентризм является, по сути, общечеловеческой универсалией» [Roque, 2015, с. 31].

Зрение как центральный модус восприятия привлекает наибольшее внимание в гуманитарных науках, в том числе в лингвистике. Лингвистические исследования визуального модуса восприятия ведутся в нескольких направлениях: первое связано с определением спектра визуальной лексики в целом, большинство работ второго направления посвящено рассмотрению лишь одного конкретного аспекта визуального восприятия, третье направлено на выявление метафорического потенциала лексики визуального восприятия.

В ходе анализа фактического материала были выделены единицы визуальной лексики, которые удалось объединить в четыре лексико-семантические группы (ЛСГ) с семами «количество», «возраст», «внешность», «индивидуально-психологические особенности» детей. Однако, принимая во внимание мнение исследователей, «как трудно, не подъёмно анализировать язык зрительного канала в целом» [Харченко, 2012, с. 20], в данной статье мы сосредоточимся только на вербальной репрезентации семы «внешность».

В белорусских пословицах сема «внешность» представлена описанием элементов лица и туловища детей. Закономерно, что при описании **лица** используются соматизмы *глаза, нос*: *Дзеткі маленькія, а* ***вочкі*** *як боб;* ***Кірпачка*** *мая маленькая, дарагенькая*. Размер глаз описывается сравнительной формой *як боб* в значении ‘большой’. В контексте использование антитезы, с одной стороны, иллюстрирует несоответствие возрастных характеристик и элементов портретного описания: сам ребенок маленький, но глаза большие, а с другой стороны, придает оттенок ласки и нежности по отношению к ребенку. Форма носа объясняется словарным определением слова *кірпачка* ‘курносый’ [Астрэйка, 2006, с. 223]. В соответствии с возрастной стратификацией, употребление в пословицах названных соматических компонентов можно соотнести с этапом младенчества (от рождения до 6-8 лет), что эксплицитно выражено деминутивными суфиксами существительных (*дзеткі, вочкі, кірпачка*) и прилагательных (*маленькая, дарагенькая*).

При описание **тела** отмечается значение формы и физического состояния: *Адзін сынок Юзік і той* ***як гарбузік****; Адзін, ды* ***ладны****; Байстукі заўсёды* ***гладкі****; У сваёй маткі ўсе дзеткі* ***гладкі;*** *Ад куляшу растуць дзеці* ***па целяшу***. Значение формы тела вербализуется различными языковыми средствами: сравнительным оборотом *як гарбузік* (*гарбузік – памянш. да* гарбуз (‘крупный круглый или овальный плод этого растения’ [т. 2, с. 30]); адъективной лексемой *гладкі* (*гладкі – разм.* ‘сытый, адкормленный’ [т. 2, с. 55]); сочетанием *па целяшу* (т. е. растут крепкими, сильными как *цяляш–* ‘бревно’). Анализ словарных определений позволяет сделать вывод, что на функциональном уровне значение формы и физического состояния сочетается также со значением размера (*ладны – разм.* ‘немалый, значительный, достаточно большой’ [т. 3, с. 12]). Как отмечает В.К. Харченко, «термин «форма» запредельно широк. «Всё» – форма» [Харченко, 2012, с. 31]. В нашем исследовании *ладны* – это не только ‘достаточно большой’, но и ‘изящный, стройный, красивый’ и ‘вполне удовлетворительный, хороший’ [т. 3, с. 12], ‘рослый ребенок’ [Астрэйка, 2006, с. 38]. Поэтому мы предполагаем, что лексические единицы зрительного восприятия можо объединить общим значением ‘полный, здоровый ребенок’ [Астрэйка, 2006, с. 37]. Так же выскажем предположение, что притяжательное прилагательное *свой* несет дополнительную эмоционально-чувственную нагрузку, выступая средством выражения материнской заботы по отношению к собственному ребенку (ср. *Када міла ўтарая жана, не мілы первыя дзеці*).

Противоположное значение физического состояния и формы ‘худы’ вербализуется словосочетанием с соматическим компонентом *ножкі*: *Ад поліўкі* ***ножкі тоненькі*** (*тонкі* – ‘небольшой в обхвате; не толстый, узкий в кости (о

человеке, его фигуре, частях тела' [т. 5, кн. 1, с. 497]). Отметим, что значение названий блюд выражает разные потребительские качества пищи: *кулеш* – 'жидкая мучная каша с салом' [т. 2, с. 752], *поліўка* – 'суп с какой-либо приправой (мукой, крупой, картофелем и т. п.)' [т. 4, с. 289]. Потребление блюд разной калорийности напрямую влияло на развитие физического состояния ребенка: от кулеша – толстый ребенок, от поливки – наоборот, худой, что подчеркивается антонимическим значением названий блюд.

Подытожим, что в рамках нашего исследования «прообразом формы» [Харченко, 2012, с. 30] становятся как геометрические фигуры (круг, овал), так и объекты растительного (бревно, тыква) мира. Выявленные формообозначения возникли преимущественно на основе метафоризации *як гарбузік, па целяшу*, поэтому неразрывное сочетание, а точнее, взаимопроникновение нескольких аспектов (форма + объем + размер) способствует созданию визуальных образов в контекстах.

Вербализация **роста** как одного из элементов внешнего облика ребенка осуществляется посредством употребления эмоционально-экспрессивной и оценочной лексики в контекстах. Сравним пословицы о человеке невысокого роста: *Кавалер* – ***свінні па каўнер*** 'низкий ростом'; ***Маленькая*** *сучачка заўсёды* ***шчаня; Маленькі*** *сабачка да старасці* ***шчанюк (шчаня)*** в значении 'человек небольшого роста всегда кажется моложе своих лет' [Лепешаў, 2011, с. 315]; ***Маленькі*** *сабачка да веку шчаня;* ***Маленькі*** *сабачка ў шчанятках састарэўся* 'используется для описания незрелого, неспособного человека'. В приведенных словарных определениях значение роста вербализуется заонимами *свіння, шчаня (шчанюк)* – 'детёныш собаки, а также волчицы, лисицы и т. п.' [т. 5, кн. 2, с. 416].

Обратимся к пословицам о человеке высокого роста: ***Байбусам*** *вырас, а вума не вынес.* (*байбус* –'рослый ребенок' [Астрэйка, 2006, с. 38], *байбус* – 'высокий, неуклюжий человек'). В контексте выразительность значения высокого роста ещё больше усиливается словарным определением *няўклюда* – 'тот, кто имеет неловкую осанку, лишен изящества, ловкости в движениях' [т. 3, с. 440], а несоразмерность между наличием высокого роста и развитием умственных способностей человека иллюстрирует прием контраста (*вырас, а вума не вынес*).

Обратимся к контекстам, в которых значение «высокий человек редко бывает мудрым» приобретает отрицательную оценочную окраску: ***Вырас да неба****, а дурань як трэба;* ***Вялікая фігура****, ды дура;* ***Вялікая галава****, ды пустая.* И наоборот, отмечаем положительную коннотацию в контекстах со схожим значением: ***Маленькі****, але* ***ўдаленькі, вялікі****, ды дурны*, 'умом берет тот, кому от природы отказано в силе'; *Сам* ***худ****, а галава з пуд* 'про умного человека' [Лепешаў, 2011, с. 39].

Унаследовав генетический код семьи, дети перенимают внешнее сходство своих родителей. Установлено, что языковыми средствами выражения значения «похожий на кого-либо» [Астрэйка, 2006, с. 234] в контекстах выступают сравнительный оборот (*Радзіла малайца, акурат,* ***як айца***); соматический компонент *глаза* (***Вока ў вока*** *ўдаўся: па мацеры пайшоў*); глагольные формы *выкопаный, вылитый* (***Выкапаны (выліты)*** *бацька (матка)*); существительные *крошечки, точечки* (*І* ***крошачкі*** *пабраў; І*

кропачкі *сабраў*). Смысловая направленность паремии *Радзіла малайца, акурат,* ***як айца*** выражает не только внешнее сходство ребенка с отцом, но и подчеркивает, что родился именно мальчик, сын. Через внешнее сходство акцентируется внимание и на социальной значимости сына как будущего хозяина, в обязанности которого входит обеспечивать благополучие семьи: (*Адзін сын – не сын, два сыны – паўсына, а толькі* ***тры сыны*** *–* ***цэлая гаспадарка*** ‘с одобрением говорится о родителях, имеющих трёх сыновей, потому что хотя бы один из них станет отрадой для родителей’ [Лепешаў, 2011, с. 58]). В целом превосходство мужского пола над женским объяснялось также желанием иметь потомка, последователя, продолжателя рода. Для сравнения: *Як* ***сын родзіцца****, дык бацька строіцца, а як дочка – то гарыць*; *Абы* ***сына прычакаць****, а імя можна падшукаць.*

В целом представления о красоте человека отождествляются прежде всего с внешностью, на что указывает семантика прилагательного *красивый* – ‘приятный внешне, гармоничный’ [Астрэйка, 2006, с. 238]; *красивый* – ‘доставляющий удовольствие своим внешним видом, определяемый гармонией цветов, линий и форм’ [т. 4, с. 423]. В пословицах **внешняя красота** считается неотъемлемым показателем возраста молодых людей: молодой – значит, красивый, благообразный. Сравним в контекстах: о юноше – *Малайцу ўсё* ***к ліцу****; Хоць пад лаўкаю пасяджу (паляжу), а на* ***прыгожага (харошага)*** *пагляджу; Не той харош, што* ***тварам прыгож****, а той харош, што на справу гож*; о девушке – *За* ***гожаю*** *пойдзеш – ліха знойдзеш; Дзеўка,* ***як кветка;*** *Дзеўка,* ***як таполя.***

Нельзя не согласиться с мнением, что «важнейшим аспектом красоты в любой традиционной культуре является придание женщинам этноспецифических черт [Бутовская, 2004, с. 234]». Такой чертой в анализируемых контекстах является женская полнота. Сравним: ***Гожая*** *дзеўка:* ***азадак гладак****, хоць морда бы фіга* (*гожы* – ‘достойный, как и положено’ [Астрэйка, 2006, с. 412], *азадак* – ‘часть тела человека ниже спины’ [Астрэйка, 2006, с. 158], *гладкі* – ‘толстый, полный, значительный по объёму’ [Астрэйка, 2006, с. 246]); *Папоўна* ***гладка*** *як аладка.* На основании словарных определений внешняя характеристика полноты применительно к девушке отождествляется с молодостью и красотой, поэтому девичья полнота оценивается в пословицах положительно.

Некрасивая девушка отождествляется, прежде всего, с некрасивым лицом: *Хіба на* ***рабацінне*** *накінуць пасагу.* (*рабацінне* – ‘веснушки; пигментные пятна коричневого или желтого цвета, появляющиеся на лице некоторых людей весной’ [Астрэйка, 2006, с. 167]); *Гожая дзеўка: азадак гладак, хоць* ***морда бы фіга*** (*морда – груб.*‘лицо, передняя часть головы’ [Астрэйка, 2006, с. 171]. В контексте сопоставление соматических компонентов (*азадак – морда*) и их характеристик (*гладак – бы фіга*) нарушает общую гармонию образа девушки. Так, описание лица девушки, лишенного привлекательной фактуры, представлено лексическими единицами *рабацінне, морда бы фіга* которые вербализуют не только сенсорику зрительного восприятия, но и фактуру предмета, что позволяет говорить о сенсорике тактильности.

Внешняя привлекательность девушки оценивается также в сравнении с ее социальным статусом *багатая – убогая*: *багаты* – ‘о человеке, владеющем большим имуществом, деньгами’ [Астрэйка, 2006, с. 130], *убогі* – ‘о человеке, живущем в нужде, бедном’ [Астрэйка, 2006, с. 134]. Сравним в контексте: *Багатая* – ***рылатая***, *убогая* – ***хандогая*** (*рылаты* – ‘с круглым, широким лицом’ [Астрэйка, 2006, с. 260], *хандогі* – ‘опрятный, чистый, аккуратный’ [Астрэйка, 2006, с. 202]). Негативно маркируется и такая деталь внешности девушки, как отсутствие косы: *Дзеўка без касы* ***не мае красы*** (*каса* – ‘длинные заплетенные волосы’ [Астрэйка, 2006, с. 161]). В соответствии с фольклорной традицией юность девушки воспринимается как воплощение красоты, а старость – как ее отсутствие: *На* ***свежую*** *кветку пчолка ляціць, а на* ***старую*** *й чорт не глядзіць;* ***Перастаялася*** *трава – ні сена, ні труха;* ***Старая*** *дзеўка, як дзіравы кажух, – адзін толькі дух; Як гарэлка старая, так і дзеўка маладая.*

Наличие физических недостатков не является показателем эстетически красивой внешности парня: *Ад* ***касавокага***, ***рудога*** *і* ***кульгавага*** *ўцякай, куды від; Хоць* ***кульгавы,*** *хоць* ***насаты,*** *але хітры і багаты; Хоць* ***крывое*** *ды* ***гарбатае****, але слаўнае ды багатае*. В данных контекстах восприятие некрасивой внешности молодого человека уравновешивается обозначением его человеческих качеств: *хітры, слаўны* и (что не менее важно) уровнем материального благополучия *багаты*. Так, вербализация внешней красоты как юноши, так и девушки в равной степени представлена ЛСВ *прыгожы, гожы, харошы*. Описание красоты девушки более подробное. Отсутствие привлекательных черт лица репрезентируется лексическими единицами, вербализирующими восприятие цвета (*рабаціннe* – о девушке) и восприятие фактуры объектов (*морда бы фіга, рылатая* – о девушке; *насаты* – о юноше). Текстурные характеристики *кульгавы, крывы, гарбаты* указывают на физиологические особенности туловища молодого человека. Как показавают примеры, фактура сближает зрение с осязанием. При объединении «сенсорной лексики зрительного канала восприятия» [Харченко, 2012, с. 32] с лексикой других каналов восприятия (тактильного, вкусового, обонятельного) создается образное описание внешности молодых людей с негативными оценочными коннотациями. Описание некрасивых представителей возрастной группы юности в анализируемых контекстах незначительное.

Таким образом, в белорусских пословицах лексические единицы зрительного восприятия передают отдельные элементы портретной характеристики детей (размер и форма носа, глаз, лица, форма туловища, рост). Наиболее полно представлены возрастные этапы младенчества и юности.

Список литературы

Бутовская М. Л. Тайны пола. Мужчина и женщина в зеркале эволюции / М. Л. Бутовская. – Фрязино : «Век 2», 2004. – 368 с.

Харченко В. К. Лингвосенсорика : фундаментальные и прикладные аспекты / В. К. Харченко. – М. : Либроком, 2012. – 216 с.

Лепешаў І. Я. Тлумачальны слоўнік прыказак / І. Я. Лепешаў, М.А. Якалцэвіч. – Гродна : ГрДУ, 2011. – 695 с.

Тлумачальны слоўнік беларускай мовы : у 5 т. – Мінск : БелСЭ, 1977-1984. – 5 т.

Чалавек : тэмат. слоўн. / Нац. акад. навук Беларусі, Ін-т мовазнаўства імя Я. Коласа ; склад. В. Дз. Астрэйка [і інш.] ; навук. рэд. Л. П. Кунцэвіч, А.А. Крывіцкі. – Мінск : Бел. навука, 2006. – 573 с.

Vision verbs dominate in conversation across cultures, but the ranking of nonvisual verbs varies / Roque L.S., Kendrick K.H., Norcliffe E., Brown P., Defina R., Dingemanse M., Dirksmeyer T., Enfield N.J., Floyd S., Hammond J., Rossi G., Tufvesson S., van Putten S., Majid A. // Cognitive Linguistics. – Berlin: De Gruyter Mouton, 2015. – N 26. – P. 31-60.

VERBAL REFLECTION OF A CHILD'S APPEARANCE IN BELARUSIAN PAREMIAS (LINGUOSENSORY ASPECT)

Martsynkevich Vera Ivanovna,
graduate student of the Department of Belarusian and Russian Philology of philological faculty,
Mozyr State Pedagogical University named after I. P. Shamyakin,
scientific advisor: Kurash Sergey Borisovich,
Professor of the Department of Belarusian and Russian Philology,
Doctor of Philological sciences, Associate Professor,
Mozyr, The Republic of Belarus

Annotation. The article attempts to conceptualize childhood through the perception of visual vocabulary. The aspects of visual perception are defined, their connection with other sensory modalities is analyzed. Gender labeling of paremias at the linguosensory level is revealed.

Key words: visual modus, visual lexical units, aspects of visual perception, sensory modality, verbal representation, age stratification.

КАК ПРЕЦЕДЕНТНЫЕ ФЕНОМЕНЫ В ЗАГОЛОВКАХ МУЛЬТФИЛЬМОВ СТРУКТУРИРУЮТ ИНФОРМАЦИОННЫЙ ПОТОК?

Подтележникова Елена Николаевна,
кандидат филологических наук,
доцент кафедры теоретической и прикладной лингвистики
Воронежского государственного университета,
г. Воронеж, Россия

Аннотация. В статье рассматриваются закономерности обращения к прецедентным феноменам в заголовках мультфильмов на естественно-научную тему, что отражает общие тенденции в структурировании информационного потока в современной коммуникации. Высокая степень эмотивности прецедентных феноменов, их способность уплотнять салиентную информацию в заголовках мультфильмов обеспечивает эффективность воздействия текста в целом на реципиента. Повышение креативного и аттрактивного потенциала заголовка с прецедентными феноменами способствует содержательности и улучшает восприятие научной информации, раскрываемой в мультфильме. Экономия